

ССР «История Азербайджана» (т. 1, Баку, 1958) содержит краткий обзор истории Манны, Мидии Атропатены и Албании с учетом археологических раскопок и исследований последних лет.

В обобщающей книге «Очерки по древней истории Азербайджана» (Баку, 1956, 169 стр.) помещены работы И. М. Дж а ф а р з а д е «Древнейший период истории Азербайджана» (стр. 7—56) и И. А л и е в а «Мидия — древнейшее государство на территории Азербайджана» (стр. 57—169). Группа научных сотрудников Музея истории Азербайджана Академии наук Азерб. ССР издала отдельной популярной книгой «Памятники истории Азербайджана» (Баку, 1956, 158 стр.). В ней содержатся фотографии и краткие описания основных памятников Азербайджана, созданных на протяжении многих веков, со времен палеолита до наших дней.

Систематическая экспозиция Музея истории Азербайджана Академии наук Азербайджанской ССР включает в свой состав разделы древней истории. Краткая характеристика разделов древней истории дана в статье И. А. К а з и е в а «Научные основы и задачи экспозиции Музея истории Азербайджана с древнейших времен до X века» (Тр. МНА, т. II, 1957, стр. 7—18).

З. Ямпольский

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ ЦИЦЕРОНА

В этом году отмечается знаменательная дата — две тысячи лет со дня смерти Цицерона. В связи с этим в Институте истории АН СССР состоялось заседание межинститутской группы по изучению античности, созданной в 1957 г. На заседании были заслушаны доклады М. Е. Грабарь-Пассек (Институт мировой литературы), Ф. А. Петровского (Институт мировой литературы), Е. М. Штаерман (Институт истории), по окончании которых развернулись прения.

Тема доклада проф. М. Е. Г р а б а р ь - П а с с е к — «Политическая установка Цицерона в доконсульский период». Автор доклада отметила, что по этому вопросу до настоящего времени в научной литературе нет единого мнения, и поставила перед собой задачу пересмотреть одну из наиболее распространенных точек зрения на Цицерона, как на сторонника популяров до 63 г. до н. э., и изменившего им после этого времени.

М. Е. Грабарь-Пассек считает, что доконсульский период жизни и деятельности Цицерона следует подразделить на следующие этапы: годы юности (106—82 гг.), период его первых выступлений во времена сулланской диктатуры и период речей против Верреса, написанных тогда, когда сулланская конституция находилась в стадии разрушения.

Анализ биографических данных и речей Цицерона подводит докладчицу к заключению о том, что Цицерон, происходивший из всаднического сословия, был воспитан в духе преклонения перед суровой доблестью предков. На первых порах, в бурные годы борьбы между сулланцами и марианцами Цицерон не проявлял себя сколько-нибудь заметным образом на политической арене, занимая осторожную, выжидательную позицию. «...Конечно, мы не имеем достаточно фактов, чтобы считать абсолютно доказанным заложенные в нем с юности консервативные взгляды, — говорит М. Е. Грабарь-Пассек, — но служба в войске Помпея Страбона и быстрый отказ от военной карьеры, длительные годы, проведенные в полной неизвестности, обучение у философа-академика и двух аристократов-юристов и, наконец, оставшееся на всю жизнь преклонение перед „заветами предков“, их республиканскими доблестями, — все это обрисо-

вызывает образ молодого Цицерона как человека, не столько ставшего на чью-либо сторону, сколько в своей юности, пришедшей на исключительно бурную эпоху истории Рима, стоявшего в стороне от исторических событий.

В последующий период, во время диктатуры Суллы, в речах «За Росция Америкского» и «За Публия Квинкция» Цицерон выступает в качестве защитника интересов оппозиционной по отношению к Сулле знати. Вместе с тем он выдвигает требования в пользу всадников, которые более других пострадали от сулланской конституции.

Наконец, знаменитый процесс против Верреса был смело использован Цицероном в интересах всаднического сословия. Веррины откровенно направлены против сенатских судов.

Подводя итоги, докладчица подчеркнула, что ни яростные выступления Цицерона против диктатуры Суллы, ни его негодование на сенатские суды не свидетельствуют о демократических воззрениях Цицерона и не соответствуют политической установке популяров.

М. Е. Грабарь-Пассек останавливается на том факте, что Цицерон называл себя «*homo novus*», противопоставляя себя этим родовой аристократии. «Было бы неверно, — замечает она, — отождествлять тех *homines novi*, представителем и выразителем чаяний которых является и считает себя Цицерон, с теми людьми, которых Саллюстий называет „*genus novatum cupidi*“». Выражая интересы материально обеспеченной общественной группы, Цицерон не преследовал подлинно демократических целей, а стремился лишь к завоеванию для представителей своего всаднического сословия «места под солнцем». Он был сторонником старой консервативной республики и стоял за согласие и дележ власти между наиболее состоятельными в имущественном отношении сословиями, сенаторским и всадническим. Что же касается партии популяров, то Цицерон ей не только не симпатизировал, но и предостерегал от нее сенат. «Потому Цицерон и не мог быть ренегатом по отношению к партии популяров, что он никогда не был популяром», — резюмирует М. Е. Грабарь-Пассек.

Заканчивая свое выступление, М. Е. Грабарь-Пассек подчеркнула, что то «новое», к чему неудержимо шло римское государство, была диктатура, принципат, империя, против чего всю жизнь упорно и последовательно выступал «*homo novus*» Цицерон.

Ф. А. Петровский посвятил свой доклад литературно-эстетическим воззрениям Цицерона.

В многообразном литературном наследии Цицерона докладчик выделил материалы характеризующие воззрения Цицерона на ораторское искусство, художественную литературу и на место художника в обществе.

Известно, что ко времени Цицерона ораторское искусство или, как уточняет докладчик, — ораторское мастерство, достигло значительного развития. Однако теория красноречия ограничивалась, по-видимому, в основном утилитарными целями ораторов-профессионалов, выступающих в судах. Цицерона это не удовлетворяло, и он мысленно создал образ идеального оратора. Идеальный оратор, по мнению Цицерона, должен сочетать природный талант с высоким и разносторонним образованием. В изучении изящной литературы Цицерон видел не только возможность отдохнуть и способ совершенствовать искусство оратора, но также надежное средство воспитания мужественных и доблестных характеров, образцы которых имеются в произведениях художественной литературы. Цицерон призывал относиться с почтением к писателям и в особенности к поэтам, ибо благодаря своему «божественному дарованию» они могут воспевать подвиги выдающихся представителей народа и еще больше увеличивать его славу.

Установив, что основное назначение изящной литературы Цицерон видел в ее общественной полезности, автор доклада показал отрицательное отношение Цицерона к поэтам-исотерикам, замкнувшимся в своем творчестве и не желавшим служить обществу.

Далее Ф. А. Петровский обратил внимание слушателей на то, что, совершенствуя язык своей прозы, Цицерон оставался в области поэзии сторонником устаревшего для

его времени языка и не хотел замечать в творчестве упомянутых поэтов свойственного ему самому стремления к улучшению литературного латинского языка.

На первое место по общественной полезности Цицерон ставил эпическую поэзию, изображающую жизнь народа и государства. Второе место он отводил трагедии, передающей «душевные движения» человека.

В докладе было отмечено, что, в отличие от современности, в древнем Риме и Греции ораторское искусство занимало самостоятельное место в литературе, ему специально обучали, о нем писали теоретические сочинения. Цицерон придавал ораторскому искусству первостепенное значение, рассматривая его как художественное творчество. Не видя принципиального различия между стихами поэтических произведений и ораторской прозой, Цицерон считал основным достоинством любого художественного произведения (в том числе и произведений изобразительного искусства) его «естественность». Естественность, согласно Цицерону, заключается в тщательной отделке языка и в строгой дифференциации стиля в зависимости от тематики произведения, его формы (поэма или выступление оратора) и назначения (речь, письмо к друзьям и т. д.).

Цицерон, стремившийся воплотить в своих трудах гармоническое слияние творчества и искусства, добивавшийся соответствия языка и сущности произведения, «создал для последующих поколений, — заключает Ф. А. Петровский, — такой же образцовый, художественный латинский язык, какой для нас был создан Пушкиным».

В своем докладе «Рабский вопрос у Цицерона и Сенеки» Е. М. Штаерман выступила против распространенного в современной буржуазной литературе мнения о том, что, начиная с установления империи, роль рабов в производстве и влияние института рабства на социально-экономическое и идеологическое развитие общества уменьшается. При этом обычно обращают внимание на то, что великие восстания рабов падают на II — I вв. до н. э., отмечают, что после сицилийского восстания рабов жестокое отношение к ним осуждается, что смягчение участи рабов находит свое выражение в законодательстве эпохи империи.

На обширном фактическом материале докладчик доказывает, что у Цицерона «рабскому вопросу» отводится далеко не первое место, тогда как в трудах Колумеллы, Сенеки и других авторов содержанию рабов и взаимоотношениям господ с рабами уделяется очень много внимания. Е. М. Штаерман объясняет это следующим образом. В эпоху II — I вв. до н. э. наряду с рабским трудом широко использовался труд свободных наемных работников — клиентов, колонов. Значит, несмотря на огромный приток рабов из военнопленных, рабский труд еще полностью не овладел производством. Своих главных противников правящий класс римского общества видел тогда не в рабах, а вообще в немущих. Поэтому рабовладельцы в случае необходимости не боялись вооружать своих рабов.

В эпоху империи раб становится основным производителем материальных ценностей. От труда и покорности рабов зависят благополучие и безопасность рабовладельцев. Эксплуатация рабов усиливается. В ней принимают участие в той или иной степени все прослойки свободного населения. На первый план выдвигается противоречие между рабами и свободными. Рабовладельцы осознают всю опасность, которую таят в себе массы угнетенных рабов, приобретают первостепенное значение «рабский вопрос», развиваются и разрабатываются теории более гуманного отношения к рабам. Таким образом, эпоха империи не является периодом уничтожения различий между рабами и свободными, периодом исчезновения влияния рабства на все стороны римского общества.

* * *

Первым в прениях выступил В. П. Кузнецин (МГУ), выразивший несогласие с положениями, выдвинутыми в докладе Е. М. Штаерман. Сравнивая данные Варрона и Колумеллы, он утверждает, что развитие производительных сил и роль рабов в производстве в I в. до н. э. были выше, чем в I в. н. э. Наивысший расцвет рабовладель-

ческих отношений, по его мнению, падает на I в. до н. э. — I в. н. э. Позднее рабовладельческий способ производства перестает быть прогрессивным. В заключение В. И. Кузищин вносит предложение об организации дискуссии о времени наивысшего расцвета рабовладельческого способа производства.

По докладу М. Е. Грабарь-Пассек выступил С. Л. Утченко (Институт истории АН СССР). Не оспаривая основного вывода докладчика о том, что Цицерон никогда не был ренегатом по отношению к популярам, поскольку никогда популяром не был, он остановился на анализе терминов *populares* и *optimates*. Общераспространенная точка зрения на оптиматов и популяров как на политические организации побилитета и плебса, «партии», является, по его мнению, неудовлетворительной, не подтвержденной источниками.

Проследив словоупотребление Цицерона и применение им термина «*optimates*», С. Л. Утченко приходит к заключению о том, что Цицерон не рассматривал оптиматов как политическую группировку. В связи с этим пересмотра и уточнения содержания требует и термин «популяр».

Затем выступил В. М. Смирин (Издательство АН СССР). Нельзя не согласиться с тезисом М. Е. Грабарь-Пассек, — сказал он, — об отсутствии резкого перелома в развитии политических воззрений Цицерона, однако аргументация отдельными высказываниями из речей не всегда надежна. Сам Цицерон предостерегал против желания видеть в речах ораторов отражение их собственных взглядов. В частности, при попытке охарактеризовать точку зрения самого Цицерона на события 80-х годов до н. э. требуется установить, что является данью условиям произнесения речи. Так, едва ли можно придавать серьезное значение выпадам Цицерона против противников Суллы. Напротив, можно найти данные, позволяющие предполагать, что Цицерон сочувственно относился к наиболее умеренной части сторонников Цинны (вопрос о составе враждебной Сулле «партии» сам требует уточнения), так же как и к примирительно настроенной группировке сената.

С. Я. Шейнман-Топштейн (Издательство АН СССР) посвятила свое выступление литературоведческим взглядам Цицерона. В дополнение к докладу Ф. А. Петровского она отметила, что Цицерон высказывал весьма интересные соображения по вопросам поэтического творчества, имеющие самостоятельное теоретическое значение. Примером тому может служить его трактат «Оратор». С. Я. Шейнман-Топштейн выдвинула ряд проблем, требующих специального изучения: о связи литературных идей Цицерона с его политическими взглядами и литературно-идеологической борьбой его времени, о философских источниках эстетических воззрений Цицерона, о его просветительских тенденциях. Все это, — заключает выступавшая, — делает тему «Литературно-эстетические взгляды Цицерона» очень перспективной.

И. Бориц

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ САХАРЫ

Книга известного ученого и знатока Сахары Анри Лота — «Доисторическая живопись Сахары»¹ является предварительным кратким отчетом об интереснейших открытиях, сделанных руководимой им экспедицией в 1956—1957 гг. в Тассилийском массиве, расположенном между оазисами Джане и Ра, недалеко от Ливийской границы. Выход книги был приурочен к выставке материалов этой экспедиции,

¹ Peinture préhistorique du Sahara. Mission H. Lhote au Tassili, P., Musée des Arts Décoratifs, Novembre 1957 — Janvier 1958.